ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

УДК 340.1

Н. В. Малиновская

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРАВА И МОРАЛИ В СИСТЕМЕ РЕГУЛЯТОРОВ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация: право и мораль выступают основными регуляторами поведения субъектов социума, однако в современной правовой науке необходимость взаимодействия права и морали, учета моральных норм при формировании содержания правовых подвергается сомнению. В связи с этим возникает необходимость вновь обратиться к теориям юснатурализма и юридического позитивизма, переосмыслив их ценностные составляющие. В статье анализируются антиномии права и морали, предлагаются аргументы в пользу необходимости присутствия в праве морального компонента.

Ключевые слова: право, мораль, социальные нормы, юснатурализм, юридический позитивизм, учение Дж. Раза.

UDK 340.1

N. V. Malinovskaya

THE INTERACTION BETWEEN LAW AND MORALITY IN THE REGULATIVE SYSTEM OF THE MODERN SOCIETY

Abstract: law and morality are the main regulators of the conduct of social subjects, but in the modern legal science the necessity of the interaction between law and morality, the consideration of moral norms while forming the content of the legal ones is doubted. Due to this it is necessary to address the theories of jusnaturalism and legal positivism once again, thinking over their value contents. In the article the antinomies of law and morality are analyzed, the arguments for the necessity of the moral content in law are suggested.

Keywords: law, morality, social norms, jusnaturalism, legal positivism, J. Raz's theory.

Введение

Современное общество и создаваемая им наука развиваются весьма динамично, что, с одной стороны, обогащает содержание последней разнообразными теориями, а с другой — нередко затрудняют их понимание. В юридической научной среде это проявляется в виде многочисленных концепций понимания права, среди которых господствуют, как и ранее, юснатурализм и юридический позитивизм. В условиях современности их спор вновь выливается в рассмотрение вопроса о ценностной составляющей права, которая далеко не для всех современных правоведов представляется необходимой. Проблема усугубляется общим кризисом духовности, который можно наблюдать в современном социуме, во многом спровоцированном изменениями в общей философии и методологии гуманитарных наук.

О соотношении права и морали в контексте ценностной составляющей права

Переосмысление ценностной составляющей современными правоведами осуществляется отнюдь не в позитивном ключе подлинной необходимости ее рассмотрения. Право превращается в формальный регулятор, содержание которого законодатель может варьировать по своему усмотрению. В таком случае возникает вопрос о существовании должного содержания права, и, если признавать его необходимость, очередной вопрос — об источниках такого содержания.

Поскольку право выступает регулятором социальных отношений, оно так или иначе сталкивается с иными, действующими в рамках отдельных социальных групп нормами, среди которых моральные нормы —

одни из наиболее распространенных. В то же время право и мораль как регуляторы во многом различны по своей природе, между ними нередко расхождения и даже противоборство, в связи с чем вопрос об учете морального компонента в правовых нормах остается открытым.

Право претендует на роль универсального социального регулятора, но всегда ли оно действительно является таковым? Ситуации наличия пробелов и противоречий в правовом тексте довольно ординарны, а потому должны существовать адекватные механизмы их преодоления. На наш взгляд, к числу таковых относятся принципы права, которые отражают поддерживаемые правом ценности.

Ценностное содержание права может иметь различное происхождение:

1) право может заимствовать определенные устоявшиеся ценности иных регуляторов;

2) право само может создавать ценности;

3) в процессе конструирования ценностей право может изменять устоявшиеся моральные или религиозные ценности.

В связи с этим вопрос о ценностной составляющей права отсылает нас к вопросам: что является источником правовых ценностей? должно ли право поддерживать моральные ценности? и в случае положительного ответа — до каких пределов?

Чтобы ответить на данные вопросы, следует с глубоких сущностных позиций рассмотреть понятие морали, которое будет определенным образом соотносимо с характеристиками права и в котором как таковом уже заложено множество антиномий. Одной из них является соотношение субъективного и объективного начал. Мораль и ее ценности воспринимают либо субъективно — как мораль отдельной социальной группы или определенного общества, либо, наоборот, вкладывают в нее абсолютные объективные начала, каковыми считают «добро, понимаемое как уникальное «внеестественное» качество ... пребывающее вне пространственно-временного мира» (Дж. Мур, Дж. Лейард, О. Джонсон) или «самоочевидные законы должного, истинные «для всех возможных миров», уподобленные универсальным законам физики и математики» (Д. Росс, Ч. Брод, Э. Кэрритт) [1, с. 92]. На

наш взгляд, объективное начало в морали не только естественно, но и преобладает, иначе невозможно было бы опровергать субъективные моральные позиции отдельных индивидов.

При этом в составляющих морали всегда наличествует, как всеобщее — дань объективному, так и особенное — которое может быть элементом субъективизма.

Исторический опыт совершенно очевидно свидетельствует нам о наличии самых разнообразных групповых и индивидуальных нравственных позиций. И в то же время субъективная позиция может считаться нравственной, только если за ней стоят некие объективные начала.

Вопрос в том, что является их источником — общество и конкретно-историческая ситуация или нечто надисторическое и космически всеобщее? Если мы принимаем первую позицию, то должны будем признать, что в моральных нормах больше особенного, нежели чем всеобщего. В таком случае мораль действительно является исторически изменчивой, что прослеживается на примере стремления архаического общества к кровной мести и отказа от принципа талиона в обществе современном [2]. Хотя принцип талиона и его место в общественных нравах древнего мира и современности само по себе является весьма дискуссионным, равно как и происхождение принципа гуманизма.

Если же мы утверждаем, что в основе морали заложены некие всеобщие универсальные и неизменные ценности (а именно так описывает нравственные законы, к примеру, Н. Гартман — как «вечные, неизменные и универсальные «сущности»» [3], то именно по этому критерию мы можем говорить о поведении или норме как моральной или аморальной, о ценности как имеющей моральное происхождение. На самом деле, только такая позиция может избавить нас от субъективизма и сомнений в моральности или аморальности общества или поступка конкретного человека.

Безусловно, поддерживаемая моралью ценностная составляющая должна иметь нечто общее с практической целесообразностью, поскольку мораль, как и право, имеет цель внесения упорядоченности в общественную жизнь. Но мораль не имеет и не может иметь ничего общего с чистым ути-

литаризмом. Соответствие практическим нуждам проявляется в ней лишь постольку, поскольку она служит удовлетворению истонных, сущностных потребностей человека, заложенных во всех и каждом, до той степени, до которой мораль есть своего рода «житейское наставление практической мудрости для ... разумного эгоиста» [1, с. 97]. Но при этом моральные ценности не могут быть практически полезными в своей сущности. Они могут содействовать реализации отдельных практических потребностей и желаний, но это не есть их истонная цель, определяющая само их существование.

Напротив, право в детализации его норм должно создаваться государством именно с учетом общественных потребностей и интересов. Правовое регулирование должно постоянно подстраиваться под практические нужды общества. Именно потому смысл отдельных правовых норм может изменяться посредством правовой интерпретации как инструментария более гибкого, чем законодотворчество. Однако в любом случае изменение правового текста осуществляет государственно-властный элемент, будь то законодатель или правоприменитель. Думается, что соображения всеобщей практической полезности могут быть далеко неочевидны отдельному индивиду, который четко осознает лишь собственную житейскую пользу и может даже не представлять масштабных проблем, с которыми сталкивается государство и общество на конкретном этапе. А потому практическая польза в общественных масштабах наиболее очевидна для властных кругов, которые постоянно занимаются решением общегосударственных задач или, как минимум, призваны это делать. Это отнюдь не исключает как возможной пассивности власти в решении вопросов общественной пользы, так и активности общества в постановке жизненно важных проблем перед государством. Но все же сама логика развития общества подразумевает, что утилитаризм более свойственен политической сфере, которая в основном весьма далека от широких слоев населения.

Во-первых, весьма маловероятно, чтобы общество само решило ограничить себя в осуществлении какой-либо деятельности, ведь для этого необходимо всеобщее обсуж-

дение проблемы и механизмы общественного волеизъявления, а, как известно, даже в демократических государствах они задействуются, скорее, в исключительных случаях. Ограничения всегда исходят от государственной власти, которая обладает вполне конкретными инструментами контроля за их соблюдением.

Во-вторых, даже если предположить, что в конкретный момент некое общество выражает согласие на изменение моральных ценностей в угоду соображениям практической пользы, это еще не означает фактической утраты ими своего ценностного статуса. Общество может смириться с ограничением государством права на жизнь в условиях войны, права на семью в условиях демографического кризиса, но это совершенно не означает, что жизнь или семья перестают существовать в качестве ценности каждого отдельного индивида. Если внешняя принудительная сила пытается (даже рациональными путями) представить нечто как «не-ценность» сегодня, это не значит, что она перестает быть «ценностью вообще».

В этом смысле правовое регулирование гораздо более практично и может выступать инструментом корректировки поведения людей. Однако такая корректировка должна иметь ограниченное время функционирования в той мере, в какой степени она противоречит моральным ценностям.

В морали безусловно присутствуют некие высшие, неизменные и вечные начала, доступные каждому на уровне интуитивного схватывания. В этом смысле морали можно пытаться научить, но, если человек не примет определенные ценности на уровне самого своего естества, он не воспримет никакие наставления и объяснения в части антиномии добра и зла, видение их соотношения навсегда останется у него искаженным.

В этом смысле в морали велика доля иррационального компонента. Моральным ценностям — жизни, семье, справедливости — можно дать рациональное объяснение в конкретно-историческом контексте, однако их происхождение, как и укорененность в сознании большинства людей зачастую трудно объяснить рационально. Равным образом не поддается рациональному объяснению моральный выбор людей

в сложных жизненных ситуациях, когда ценность собственной жизни опускается в иерархической шкале по сравнению с ценностью жизни другого, возможно даже не близкого, человека. И именно по причине доминирования иррационализма мораль не может изменяться в угоду чисто утилитарным целям.

В то же время очевидно, что эмоциональная природа человека нередко выходит из-под контроля его же собственного сознания, приводя к последствиям, которые в ряде случаев осуждает не только право, но и мораль. Это подразумевает различные уровни эмоционального в природе человека, которые следует разграничивать при оценке поведения как морального или аморального.

Вопрос человеческой природы в его правовом контексте является основой для многих философско-правовых умозаключений. Во времена Античности именно размышления о природе человека порождали представления о «добродетели» и ее конструируемости — у софистов, необходимость умножения законодательной регламентации жизни полиса — у Платона, и самостоятельную теорию справедливости — у Аристотеля.

Проблема сущности человека (его разума, эмоций, воли) выступает отправной точкой таких фундаментальных правовых идей, как концепция личности в христианской мысли, основы политической науки Н. Макиавелли, теория естественного права и легизм. Указанные примеры уже свидетельствуют нам о, подчас, весьма противоположных выводах, которые делаются в результате размышлений о человеческой природе.

Действительно, естественные склонности человека не всегда могут являться ориентиром для регулирования отношений в обществе. Так, именно множественные случаи отклонений от социально-полезного поведения, которые в то же время лишь подчеркивают его значимость, сами по себе порождают моральные (а часто вслед за ними и правовые) запреты и долженствования. Так, ложь неотъемлемо сопутствует практике человеческого общения и одновременно приводит к формулировке долженствования «не лги». Кроме того, нечто может считаться «естественным» в рам-

ках условий отдельного исторического периода и отдельной социальной группы. Именно данные факторы приводят величайшего философа Аристотеля к выводу о «естественности» не только семьи и собственности, но и рабовладения. Отталкиваясь от кантовского представления о морали, невозможно говорить о рабовладении как о ценности. И тут возникает закономерный вопрос: в какой степени моральные ценности являются исторически обусловленными? Учитывая приведенные выше представления о наличии в морали вечных и неизменных начал, пример с рабовладением, казалось бы, ставит их под сомнение. Ведь определено рабство было естественной частью жизни античного общества. Именно в нем раб был низведен до статуса вещи, одушевленного средства производства, — отношения, нехарактерного даже для древневосточных обществ с их жесткими требованиями. И все же такая «естественность» рабства с точки зрения античного быта, еще не дает нам оснований утверждать, что оно являлось примером конкретно-исторической (и со временем утраченной) моральной ценности. Против этого говорят умозаключения отдельных античных философов (Гиппия, Алкидама, Эпиктета, Марка Аврелия), которые прямо говорили об искусственности деления на свободных и рабов, осуждали рабство и овеществление человека [4, с. 161].

Какие же из приведенных точек зрения являются подлинно моральными? Данный вопрос отсылает нас к соотношению сознательного и привычного в морали. Если какое-либо правило поведения является распространенным в конкретном обществе, означает ли это его автоматическое соответствие морали? И, наоборот, может ли оцениваться как аморальный протест против привычного общественного уклада?

Будучи порождением общества, мораль в отдельных странах и временных периодах вбирает в себя субъективные и объективные элементы. Ими могут быть обычаи, привычки, элементы религиозных убеждений. Если не пытаться провести разграничение в целях поиска собственно моральных представлений, можно свести последние к полному субъективизму, что не позволит нам с уверенностью оцени-

вать отдельный поступок как моральный или аморальный ввиду отсутствия изначальных критериев. С точки зрения Канта, моральным можно считать и поступок, совершенный вопреки общественному давлению, а не в связи с ним [5]. По-видимому, в такой ситуации моральный характер действию может придать только критерий его соответствия абсолютным в своей ценности и неизменным началам человеческого духа, которым под влиянием разных причин изменяет отдельное общество в конкретно-историческом периоде.

Вышеприведенные антиномии морали являются следствием различных методологических подходов к ее изучению, что, в свою очередь, не говорит нам о необходимости формулировки категоричных выводов с целью отвергнуть одно и утвердить другое. Напротив, плюрализм мнений относительно природы и существа морали свидетельствует о ней как о сложном, многоуровневом по своему смыслу феномене, который допускает сосуществование отдельных его сущностных пластов и не подразумевает «их неперемного взаимного исключения, логической несовместимости» [1, с. 118].

Сложность структуры моральных ценностей, требований и долженствований должна учитываться законодателем при конструировании правовой материи, в противном случае именно несоответствие между существующими моральными и создаваемыми правовыми ценностями может породить кризис правового регулирования. При этом речь может идти о различных ситуациях:

1) право не отвечает новым потребностям общественных отношений, отстает от них в развитии и не желает воспринять возникшие в обществе новые ценности. Такой кризис всегда требует адекватной реакции со стороны законодателя, поскольку в противном случае его нормативные тексты получают совершенно обратные ассоциации, будут считаться не-правом, действующим вопреки интересам общества. Исторически такие кризисы зачастую разрешались революционным путем.

2) право внедряет в общество новые ценности, к которым общественное сознание пока не готово. Чаще всего в данном случае речь идет о рецепции права или даже так называемой «правовой экспансии» [6].

Кризис такого типа имеет шансы на само-разрешение, когда общество постепенно свыкнется с новыми ценностями и со временем начнет воспринимать их как органически собственные. Хотя возможно и стойкое неприятие новой правовой материи и, как результат, отторжение навязывающей ее власти.

В последнем случае особое значение приобретает вопрос о моральной ценности закона как такового, от решения которого напрямую зависит возможность вероятного неподчинения ему.

Данная проблема имеет глубокий доктринальный подтекст, уходящий в длительный спор между юснатурализмом и юридическим позитивизмом. В последнем в качестве краеугольного камня всегда вставал вопрос о необходимости и возможности соответствия моральным требованиям со стороны права. И если классический позитивизм отвергал взаимосвязь права и морали, то теории неопозитивистского толка, напротив, склонны утверждать ее и даже выстраивать на такой, казалось бы, юснатуристской по своей природе основе пропозитивистскую аргументацию.

В качестве примера можно обратиться к идеям Джозефа Раза, который, будучи представителем неопозитивистского направления мысли, весьма интересно и логически последовательно обосновывает моральные свойства правовых норм и возможную моральную ценность закона.

Дж. Раз оговаривает, что органическую связь между правом и моралью отрицать невозможно и приводит несколько самоочевидных утверждений, которые, по его мнению, с необходимостью ее демонстрируют:

1) каждый должен повиноваться закону своей страны;

2) у каждого есть причина повиноваться закону своей страны;

3) если закон справедлив, все подпадающие под его действие субъекты должны его соблюдать (или, по крайней мере, у них есть причины это делать);

4) если правительство страны является демократическим, все должны соблюдать издаваемые им законы (или у них есть причина на это);

5) каждый обязан поддерживать справедливые правовые системы.

При этом наиболее очевидно, по мнению Дж. Раза, необходимая связь между правом и моралью проявляется именно в утверждении 1 [7, с. 169].

Данное утверждение само по себе весьма специфично, поскольку в равной степени признается не всеми юснатуралистами и не всеми позитивистами. Дж. Раз утверждает, что данный тезис порождает моральные обязательства подобно тому, как их порождает *обещание* какого-либо действия или бездействия. И сходство, действительно, есть. Но есть и существенные различия, которые касаются, прежде всего, происхождения обязательства. В случае с обещанием оно принимается на себя добровольно (независимо от мотивов дать такое обещание). В случае с законами даже при демократической власти [7, с. 178] народ лишь косвенно задействован в процедуре законотворчества. Статус законодателя зачастую получают ситуативные функционеры политических партий. Народ, как минимум, ориентируется на ее лидера, а как максимум — на программу в целом. Между тем, на практике демократическим путем избранные законодатели могут принимать далеко не те нормы, которых ожидал избравший их народ, и, напротив, не принимать тех, которые были ожидаемы. Эти обстоятельства уже ставят под сомнение абсолютный характер требования соблюдать закон.

Тем более сомнительным в таком контексте выглядит утверждение закона в качестве элемента морали, поскольку оно приходит в противоречие с возможностью закона быть аморальным и допускать злоупотребления. На это Дж. Раз возражает, что допускаемые в ряде случаев аморальные нормы являются исключением, которое лишь подтверждает общее правило. Подобно тому, как отдельные отклонения от свойств государства только подтверждают его сущностные признаки как распространенного политико-правового явления, так могут существовать и системы, именуемые «правовыми» лишь условно и не могущие присущими им отклонениями дискредитировать само понятие «правовая система». Последнее является сложным структурным образованием с не менее сложно структурированными элементами. Так, включенная в правовую систему си-

стема законодательства состоит из множества норм, которые могут иметь весьма различную связь и взаимоотношения с моральными ценностями. Каждая из норм обладает собственными свойствами (в том числе и моральными), которые нужно отличать от (моральных) свойств правовой системы в целом.

Дж. Раз оговаривает, что право может обладать моральными свойствами за счет его *системных* и *совокупных* свойств. *Совокупными* моральными свойствами являются моральные свойства многих или отдельных элементов права (правовых норм). *Системные* моральные свойства принадлежат праву (или правовой системе) как целому и не находятся в прямой зависимости от совокупных моральных свойств отдельных его элементов. Рассуждая подобным образом, Дж. Раз делает вывод о том, что *необходимые* (сущностные) *моральные свойства* права происходят именно из его системных свойств, допуская (!) отклонения в моральном характере отдельных норм (законов). При этом исследователь соглашается, что совокупные моральные свойства могут (хотя и необязательно это делают) воздействовать на характер системных моральных свойств. В таком случае обосновать общее обязательство повиновения закону становится сложнее. И все же исследователь довольно успешно продолжает рассуждения.

Их начало обусловлено вопросом о *происхождении* системных моральных свойств права. Они выводятся из его институционального характера, а последний часто обуславливается возможностью применения принуждения. Однако Дж. Раз оговаривает как ошибочное стремление приписывать праву монополию на применение силы, поскольку зачастую оно допускает использование «частных» принудительных сил со стороны граждан или негосударственно властных организаций. В таком случае источник системных моральных свойств следует искать в другой характеристике и таковой, по мнению исследователя, выступает легальность и легитимность власти.

Обязательство безусловного повиновения может быть действительно постольку, поскольку любые силы, обладающие государственной властью, способны обе-

спечить его соблюдение. Подобным образом и любое правительство способно обеспечить общую задачу власти, формулируемую как упорядоченность общественной жизни и контроль за ней. Однако судить о легитимности власти можно *по степени успешности* в выполнении стоящих перед государством задач. И именно легитимность власти привносит моральный компонент в обязательство повиновения закону. Власть не может рассматриваться как ничем не ограниченный институт, в качестве ее рамок должны выступать цели и задачи, для реализации которых она существует, причем цели, обладающие определенным моральным подтекстом.

Таким образом, Дж. Раз приходит к дополнительному обоснованию обязанности повиновения по совокупности утверждения 1 и утверждения 4. Именно демократический характер власти добавляет аргументативности обязательству повиновения. И здесь вновь следует обратиться к соотношению системных и совокупных моральных свойств права, а также его аналогии с актом обещания.

Подобно тому, как моральные свойства отдельных норм не влияют определяющим образом на системные моральные свойства права, так и утверждение моральной ценности закона как такового еще не означает возможности вывести из него моральные свойства отдельной нормы или отдельно-го закона.

Долженствования, приведенные в правовых нормах, не добавляют и не могут ничего добавить к уже имеющимся моральным долженствованиям. Они лишь придают им новую форму и иные аргументы [7, с. 170].

Более того, моральные долженствования, по утверждению Дж. Раза, сами по себе не имеют источника. Об источниках можно говорить лишь по отношению к актам обещания и правовым актам. У моральных долженствований есть объяснение, но не источник. В таком смысле как право, так и обещание являются способом порождения обязательств как целенаправленные акты. Связывающий характер обещаний основан на том обстоятельстве, что их исполнение может способствовать достижению определенных *благ (ценностей)*. Таким образом можно заключить, что и сама

практика обещаний является морально ценной. В то же время очевидно, что не все обещания могут быть обязывающими. Не являются таковыми обещания детей, лиц с нарушениями психики, обещания, данные под влиянием угрозы или обмана. В связи с этим, как и в случае с правом, мы не можем вывести из *системного свойства практики обещаний быть морально ценной* обязательства выполнять абсолютно все обещания. Но, на взгляд Дж. Раза, само по себе указанное системное свойство практики обещаний уже устанавливает необходимую связь между обещанием и моралью [7, с. 175—176].

И здесь возникает вопрос, можем ли мы применить подобную логику рассуждений в случае с правом для того, чтобы утвердить его априори моральную природу?

Если мы это делаем, то выходим на три утверждения:

- 1) право по своей природе может быть использовано для достижения ценностных результатов;
- 2) по природе на право возложено выполнение моральной задачи;
- 3) право по своей природе обладает моральной ценностью.

Однако насколько данные утверждения верны, выясняется в ходе дальнейших умозаключений. Первые два утверждения выглядят вполне обоснованными.

Так, право может служить определенным ценностям, а, значит, ему как регулятору присуща некая ценностная основа. Второе утверждение, с точки зрения Дж. Раза, выглядит еще более «правдивым и интересным», однако его содержание формируется методом исключения (что само по себе не вполне убедительно). Тем не менее, оно задает критическую перспективу оценки права.

Наибольшую сложность для обоснования представляет третье утверждение. Дж. Раз прямо оговаривает, что именно в случае с ним аналогия права с обещанием перестает действовать. Это происходит ввиду имеющихся существенных различий между правом и обещанием. Первое из них уже было проанализировано нами ранее при оговорке самой общей обязанности повиновения закону (даже и в демократическом обществе). Второе различие заключается в большей сложности права, по срав-

нению с обещанием, а равно и в том, что право всегда требует конкретно-исторического мышления: если свойства обещания можно анализировать абстрактно, то, говоря о праве, мы всегда рассматриваем определенную правовую систему в определенный момент времени. Эта система конструируется под влиянием различных факторов, а потому вполне может быть аморальной и несправедливой, легитимной или нелегитимной. «В данном случае» — подчеркивает Дж. Раз, — «мы являемся заложниками человеческой истории, и никакая ценность здесь не гарантирована».

Заключение

Указанные выводы, на наш взгляд, говорят в пользу двух утверждаемых нами ранее положений.

Во-первых, историческая социальная ситуация (в том числе и при содействии закона) может отвергать определенные моральные ценности, но от этого они не утрачивают своих априорных моральных свойств.

Во-вторых, закон не может являться морально ценным по своей природе. Он обладает специфической правовой ценностью, заключающейся в обеспечении порядка, организации общества, стремления к формированию ориентира для непостоянной человеческой природы и следующих из нее поступков.

Тем не менее, данные утверждения отнюдь не говорят в пользу отсутствия необходимости морального компонента в праве. Последнее как формальный регулятор может (а в некоторых случаях и должно) абстрагироваться от чувственной составляющей, но оно не вправе перечеркивать эмоциональную природу человека. Именно в ней заложены сущностные моральные ценности, неизменяемые и не должны быть изменяемыми: жизнь, семья, ответственность, стремление к балансу, выход эмоциональной составляющей в искусстве.

Именно эти базовые моральные ценности должны получать отражение в принципах права, которые как универсальные средства достижения правовой упорядоченности в своих формулировках должны также учитывать и определенный рациональный компонент, чтобы быть способными к реальному действию.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дробницкий О. Г.* Понятие морали / О. Г. Дробницкий. — М. : Наука, 1974. — 386 с.
2. *Мальцев Г. В.* Месть и возмездие в древнем праве / Г. В. Мальцев. — М. : Норма : ИНФРА-М, 2012. — 736 с.
3. *Гартман Н.* Этика / Н. Гартман. — СПб. : Владимир Даль, 2002. — 708 с.
4. *Трубецкой С. Н.* История древней философии. Часть первая / С. Н. Трубецкой. — М. : Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнерев и К, 1906. — 226 с.
5. *Кант И.* Основы метафизики нравственности / И. Кант. — М., 2001. — URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/kant_omn/index.php (Дата обращения: 17.08.2017 г.)
6. *Карташов В. Н.* Введение в общую теорию правовой системы общества / В. Н. Карташов. — Ярославль : Яросл. гос. ун-т, 1995. — 139 с.
7. *Raz J.* Between authority and interpretation / J. Raz. — New York : Oxford University Press, 2009. — 413 p.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Воронежский филиал)

Малиновская Н. В., кандидат юридических наук, заведующая кафедрой гражданского права и процесса

E-mail: kafgpp@vrn.ranepa.ru

Тел.: 8 (473) 253-85-09